

Елизавета Юрьевна ЗАМУРУЕВА,

адъюнкт Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова

kibalina1456@yandex.ru

**МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОГРАНИЧЕНИЕМ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД:
ТРЕБУЕТСЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ**

**PREVENTIVE MEASURES CONNECTED WITH LIMITATION
OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS:
LEGISLATIVE IMPROVEMENT IS REQUIRED**

Автор обосновывает, что не только запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу, но также подписка о невыезде и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым характеризуются ограничениями конституционных прав и свобод человека, следовательно, для их избрания уже в рамках предварительного расследования требуется судебное решение. Учитывая то, что суд не является стороной защиты или обвинения, все его действия по избранию мер пресечения, связанных с указанными ограничениями, являются легитимными. На основе анализа точек зрения процессуалистов, опыта зарубежного законодательства автор аргументирует вывод о необходимости создания института специализированных (следственных) судей, компетентных принимать решение о применении мер пресечения.

The author argues that not only the prohibition of certain actions, bail, house arrest and detention, but also a written undertaking not to leave the place and looking after a minor suspect \ the accused are characterized by restrictions of the constitutional rights and freedoms of a person; therefore, a judicial decision is required for their selection within the preliminary investigation. Taking into consideration that the court is not a party of the defense or the prosecution, all its actions are legitimate for selection of preventive measures, related to these restrictions. Based on the analysis of the proceduralists' points of view and the experience of foreign legislation, the author proves the necessity for creation an institution of specialized (investigative) judges, competent to make decisions on the implementation of preventive measures.

Ключевые слова: меры пресечения, общие условия, следственный судья, конституционные права и свободы, легитимность, судебный контроль, правосудие.

Keywords: preventive measures, general conditions, investigative judge, constitutional rights and freedoms, legitimacy, judicial control, justice.

В соответствии со ст. 97 УПК РФ в досудебном производстве следователь и дознаватель вправе избирать такие обеспечительные меры, как подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение

командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым. Для применения запрета определенных действий, залога, домашнего ареста и заключения под стражу требуется судебное

решение. В ходе судебного разбирательства избрать, изменить или отменить меру пресечения в отношении подсудимого уполномочен суд (ч. 1 ст. 255 УПК РФ).

Необходимость судебного решения для реализации мер пресечения уже на этапе предварительного расследования объясняется тем, что меры уголовно-процессуального воздействия, предусмотренные ст. 105-108 УПК РФ, ограничивают конституционные права личности (на свободу и личную неприкосновенность, частную собственность (ст. 22, 35 Конституции РФ)). В соответствии с положениями Основного закона нашей страны ограничение основных прав и индивидуальных свобод может производиться исключительно на основании судебного решения. При этом законодатель исходит из того, что для остальных мер пресечения достаточно постановления следователя или дознавателя, так как они в меньшей степени затрагивают права и свободы подозреваемого, обвиняемого. В связи с этим возникает вопрос: не ограничивают ли конституционные права человека меры воздействия, для избрания которых не предусмотрен порядок, предусмотренный ст. 108 УПК РФ?

Обратим внимание, что согласно ч. 1 ст. 125 УПК РФ решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, могут быть обжалованы в районный суд. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. N 1 говорится о возможности каждого человека заявлять требования об устранении допущенных нарушений должностными лицами в ходе досудебного производства, если данные решения повлекли за собой ущемление их прав и свобод. При этом отмечается, что к действиям, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, относятся по-

становления об избрании к подозреваемому и обвиняемому мер процессуального принуждения, за исключением тех мер пресечения, которые применяются по судебному решению¹. Следовательно, в данном разъяснении Верховного Суда РФ заложена мысль о том, что не только такие обеспечительные меры, как запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу, ограничивают права и свободы граждан, но и другие меры пресечения.

В уголовно-процессуальной доктрине также высказывается позиция о том, что в УПК РФ содержатся и иные меры принуждения, которые ограничивают конституционные права участников уголовного судопроизводства. Так, по мнению А.В. Спирина, помимо мер пресечения, которые связаны с лишением свободы, имеются такие, которые, например, ограничивают право на свободу передвижения, выбора места жительства [16, с. 176]. О.И. Цоколова отмечает, что «гражданин достаточно серьезно относится к подписке о невыезде... наибольшие ограничения, по их мнению, создает запрет покидать место постоянного проживания, так как поездки ... занимают значительное место в жизни современного человека» [18, с. 8].

Считаем, что, кроме запрета определенных действий, залога, домашнего ареста и заключения под стражу, конституционные права преследуемых лиц затрагивают и другие меры пресечения. Так, право человека на свободное передвижение (ст. 27 Конституции РФ) ограничивают меры воздействия, именуемые подпиской о невыезде и присмотром за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым: в соответствии со ст. 102 УПК РФ лицо, в отношении которого ведется производство, дает обязательство не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда, а согласно ст. 105 УПК РФ такое обязательство в отношении несовершеннолетнего правонарушителя приносят родители, опекуны, попечители, другие заслуживающие доверия лица, а также долж-

¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 N 1.

ностные лица специализированного детского учреждения.

Полагаем, что избрание данных мер пресечения целесообразно передать в полномочия суда. По мнению К.В. Муравьева, в рамках избрания мер пресечения устанавливаются такие запреты, обязательства и ограничения, которые по своему характеру соразмерны с уголовно-правовым воздействием, оказываемым при исполнении наказания и иных мер уголовно-правового характера. Акты применения мер пресечения должны быть не только законными, обоснованными, мотивированными, но и справедливыми. Таким образом, полномочия по их применению должны находиться в юрисдикции суда [13, с. 189].

Вместе с тем вынесение процессуальных актов относительно таких мер обеспечения, как личное поручительство и наблюдение командования воинской части, должно оставаться за органами предварительного расследования. Наш вывод вытекает из положений ч. 1 ст. 103 и ч. 1 ст. 104 УПК РФ, в которых отмечено, что данные меры уголовно-процессуального воздействия применяются для того, чтобы обеспечить подозреваемым и обвиняемым выполнение обязательств, закрепленных в п.п. 2, 3 ст. 102 УПК РФ, т.е. являться в назначенный срок по вызовам дознавателя, следователя и суда, а также не препятствовать производству по уголовному делу. Существенного ущемления конституционных прав и свобод человека при возложении указанных обязательств на подозреваемого, обвиняемого в рамках вышеназванных мер пресечения не происходит. По сути, эти обязательства можно сравнить с обязанностями потерпевшего и других участников уголовного процесса. Ограничений для убытия из постоянного или временного места жительства в рамках реализации этих мер пресечения не заложено. Следовательно, нет необходимости и привлечения к данному вопросу органа судебной власти.

В то же время в научной литературе подчеркивается современное движение в сторону расширения сферы компетенции суда. На сегодняшний день данному органу доверяется разрешение все большего числа конфлик-

тов споров, проблем. При этом само по себе наделение суда новыми полномочиями не гарантирует лучшую защиту конституционных прав граждан. Это подтверждается и статистическими данными, где, например, доля судебных отказов в удовлетворении ходатайств органов предварительного расследования не растет, а в каких-то случаях даже снижается. Если взять советский период, то прокурор отклонял примерно 30% ходатайств следователя, дознавателя о заключении под стражу, в то время как сейчас суд отказывает в удовлетворении только примерно 10% таких ходатайств [2, с. 16].

Однако если рассматривать ограничение прав граждан с точки зрения легитимации, то от субъекта, принимающего решение об избрании мер пресечения, ограничивающих конституционные права граждан, требуется независимость и беспристрастность, иначе любая легитимация обречена на провал. Мы согласны с мнением Л.В. Головки, что «судебное действие в такой ситуации предстает в качестве процессуализации государственной деятельности, что позволяет создавать институционально и юридически корректные механизмы, в частности в том, что касается ограничения индивидуальных прав» [17, с. 49].

Обратим внимание, что в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран по сравнению с российским регулированием имеется опыт более широкой компетенции судей по вопросам мер пресечения. В ряде государств образуются специализированные суды (судьи), в задачи которых не входит рассмотрение дел по существу, они занимаются только вопросами принуждения. Так, во Франции осуществляют деятельность судьи по свободам и заключению [8, с. 128], в Швейцарской конфедерации функционирует отдельная структура судебных органов по вопросам процессуального принуждения [16, с. 130]. Имеется опыт и в странах ближнего зарубежья. Например, в Кыргызской Республике в ходе досудебного производства принимать решения о применении и продлении всех мер пресечения правомочен следственный судья, т.е. «судья, применяющий меры, ограничивающие права и свободы подозрева-

емого, обвиняемого, осуществляющий судебный контроль за законностью процессуальных действий и решений уполномоченного должностного лица органа дознания, следователя, руководителя следственного подразделения, прокурора» (п. 41 ст. 5 УПК КР¹).

Полемика вокруг образования специализированных (следственных) судей активизировалась в последние годы и в России.

Еще в феврале 2015 г. А.В. Смирновым разработан проект, касающийся введения института следственных судей в нашей стране. Ученый отмечает ряд предполагаемых достоинств деятельности таких специализированных судей. В частности, он указывает, что существующие в настоящее время полномочия судей по аресту плохо совместимы с сохранением независимости и беспристрастности судей при вынесении приговоров, появление же новых субъектов приведет к снижению нагрузки на судей районного уровня, поскольку ряд компетенций будут разделены и переданы следственному судье [14, с. 7-8].

Глава Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин считает, что воссоздание следственных судей может помочь решить ряд проблем, например разорвать обвинительную связь между следователем и судом [9, с. 9]. Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов отметил, что введение института следственных судей возможно с отнесением к его компетенции в числе прочего рассмотрение ходатайств об избрании и продлении меры пресечения [10].

Справедливости ради отметим, что существует и противоположное мнение относительно целесообразности введения в уголовный процесс новой фигуры как гаранта недопущения обвинительного уклона в ходе производства предварительного следствия [4, с. 109]. Например, А.М. Баринов утверждает, что следственный судья будет содействовать стороне обвинения и ожидания в равно-

правии сторон так и останутся несбывшимися [3, с. 267].

По нашему мнению, введение и функционирование следственного судьи в целом может оказать позитивное влияние на развитие уголовно-процессуального законодательства, позволит решить важный вопрос разделения функций правосудия и судебного контроля. Мы согласны с авторами, отмечающими, что судебный контроль является самостоятельной функцией суда. Несомненно, между данными функциями есть определенные сходства, так как по результату рассмотрения конфликта принимаются процессуальные решения, которые обеспечены государственным принуждением [1, с. 181]. Тем не менее «при рассмотрении дела по существу суд в состязательном процессе занимает относительно пассивную роль арбитра, а реализуя функцию судебного контроля, судья осуществляет контрольные мероприятия, проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решения дознавателя, следователя, прокурора, суд здесь выступает больше в роли контролера, чем арбитра» [1, с. 133-136].

Следует признать, что судебный контроль имеет своим назначением обеспечение законности и обоснованности действий и решений органов предварительного расследования, ограничивающих конституционные права и свободы граждан. В настоящий момент судья, который избрал меру пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого, также может по этому же делу рассмотреть жалобу, разрешить ходатайство о производстве следственного действия, а затем исследовать данное уголовное дело по существу и вынести приговор.

Несмотря на рекомендации Пленума Верховного Суда РФ о том, что судья не должен входить в обсуждение вопроса о виновности лица², на практике это требование выполнить достаточно сложно. Если строго следовать данному положению, то судья должен формально принимать решение, полагаясь

1 УПК Кыргызской Республики. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36313326#pos=43;-50.

2 О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41.

лишь на утверждение должностных лиц органов предварительного расследования. В данной ситуации есть вероятность того, что мера пресечения будет избрана не причастному к вменяемому деянию человеку. Если же судье, наоборот, тщательно проверять представленные в суд материалы, характеризующие событие преступления, исследовать объективную и субъективную сторону состава преступления, анализируя каждое доказательство, то это значит нарушить запрет на вхождение в обсуждение вопроса о виновности. По нашему мнению, тот судья, который избрал меру пресечения, не должен в последующем рассматривать данное уголовное дело. В этой связи нам импонирует позиция ученых, придерживающихся мнения о том, что «санкционировать все меры пресечения, которые касаются лишения либо ограничения конституционных свобод и имущественных прав граждан, должен следственный судья» [15, с. 158].

В настоящее время в России разработаны и предлагаются несколько моделей судебной системы с включением в нее нового элемента – следственных судей. Так, по мнению ученых-правоведов Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, институт следственных судей целесообразно предусмотреть на уровне верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области, судов автономных округов. Следственные судьи являлись бы членами указанных судов «как до возложения на них обязанностей следственного судьи, так и после их освобождения от этой функции» [11, с. 71]. Н.Н. Ковтун считает, что «следственный судья – это федеральный орган судебной власти (суд), функционирующий независимо от системы судов общей юрисдикции и реализующий в досудебном уголовном производстве комплекс юрисдикционных и следственных функций, связанных

с разрешением по существу потенциального или имеющегося спора относительно применения существенных мер процессуального принуждения, обеспечения прав и законных интересов участников процесса» [7, с. 45].

Среди многообразия точек зрения нам импонирует позиция Л.В. Головки. На наш взгляд, он правильно считает, что организация института следственных судей на уровне субъекта Федерации не является рациональным решением [8]. Более правильным может стать подход, если такой судья в системе органов судебной власти будет ниже уровнем, чем тот, который рассматривает дело по существу. В последующем он не должен допускаться к рассмотрению этого дела в суде первой инстанции и в контрольных производствах [12, с. 205]. Такую роль может осуществлять мировой судья [6, с. 170].

Итак, полагаем, что не только запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу, но также подписка о невыезде и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым характеризуются ограничениями конституционных прав и свобод человека, следовательно, для их избрания уже в рамках предварительного расследования требуется судебное решение. Необходимо создать специализированный судебный орган, который станет решать вопрос о применении мер пресечения, связанных с ограничением конституционных прав и свобод подозреваемого, обвиняемого. Институт следственных судей позволит решить важный вопрос о разделении функций судебного контроля и правосудия, а также повысить законность, обоснованность, мотивированность и справедливость принимаемых решений о мерах пресечения. Необходимо тщательно продумать механизм создания данного института, отделив судей, избирающих меры пресечения, от тех, которые рассматривают дело по существу.

Библиографический список

1. Азаров, В.А. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России : монография / В.А. Азаров, И.Ю. Таричко. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – 379 с.
2. Александрова, Л.А. Взаимосвязь функций судебного контроля и правосудия в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / Л.А. Александрова // Уголовная юстиция. – 2016. – N 1(7). – С. 16-19.
3. Баринов, А.М. Институт следственных судей в Российской Федерации: за или против / А.М. Баринов // Молодой ученый. – 2018. – N 19. – С. 266- 269.
4. Воробей, С.Н. Институт следственных судей в России: проекты и прожекты / С.Н. Воробей, В.Н. Чаплыгина, // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2022. – N 2(91). – С. 103-110.
5. Головкин, Л.В. Следственные судьи или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса? / Л.В. Головкин // Zakon.ru. – URL: https://zakon.ru/blog/2015/3/16/sledstvennyye_sudi_ili_ocherednoj_raund_amerikanizacii_rossijskogo_ugolovnogo_processa8 (дата обращения: 23.04.2022).
6. Деришев, Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России / Ю.В. Деришев, В.В. Николук. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2003. – 198 с.
7. Ковтун, Н.Н. Следственный судья в уголовном судопроизводстве: за и против / Н.Н. Ковтун // Российская юстиция. – 2010. – N 9. – С. 41-45.
8. Ковтун, Н.Н. Судебно-правовая реформа требует, прежде всего, определенности в терминах / Н.Н. Ковтун // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – N 1 (12). – С. 126-130.
9. Конституционно-правовые проблемы российской судебной системы : выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина // Цивилист. – 2013. – N 1. – С. 35-41.
10. Куликов, В. Специалисты по арестам. Вячеслав Лебедев поддержал идею введения следственных судей / В. Куликов // Российская газета. 12.02.2020 Столичный выпуск N 29(8083). – URL: https://www.vsrif.ru/press_center/mass_media/28756/ (дата обращения: 15.04.2022).
11. Моршакова, Т.Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации / Т.Г. Моршакова // Прецеденты и позиции. Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. – 2015. – Вып. N 4. – С. 70-79.
12. Муравьев, К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография / К.В. Муравьев. – Омск: ОМА МВД России, 2017. – 226 с.
13. Муравьев, К.В. Оптимизация уголовного процесса как форма применения уголовного закона : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.09 / К.В. Муравьев. – Омск, 2017. – 505 с.
14. Рагулин, А.В. Институт следственных судей – путь к состязательности в уголовном процессе: интервью с Советником Конституционного Суда Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором А.В. Смирновым / А.В. Рагулин // Евразийская адвокатура. – 2015. – N 1(14). – С. 7-9.
15. Рудич, В.В. К вопросу о совершенствовании превентивного судебного контроля за применением мер пресечения в ходе досудебного производства по уголовному делу / В.В. Рудич // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – N 4(30). – С. 157-159.
16. Спирин, А.В. О некоторых аспектах прокурорского надзора за законностью применения мер пресечения в досудебном производстве / А.В. Спирин // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы : материалы международной научно-практической конференции (Омск, 26-28 мая 2022 г.). Омск: ОМА МВД России, 2022. – С. 175-179.
17. Суд и государство / под ред. Л.В. Головкин, Б. Матье. – М.: Статут, 2018. – 270 с.
18. Цоколова, О.И. Подписка о невыезде как ограничение прав личности / О.И. Цоколова // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – N 1. – С. 6-9.